

экрана телевизора такие эксклюзивные факты, как цвет глаз, выражение лица при травме футболиста и т.д. Это неоспоримое преимущество детализации характерно именно для традиционного телевизионного показа, обусловленное использованием профессиональных камер с профессиональной оптикой.

Необходимо ещё раз обратить внимание на то, что одним из главных аргументов в условиях жёсткой борьбы за аудиторию между интернет-ресурсами и телевидением является качественная профессиональная телевизионная «картинка».

Список литературы

1. Бакулев Г. П. Новые медиа: теория и практика / Г. П. Бакулев. – Москва, 2008.
2. Саппак В. Ф. Телевидение и мы: Четыре беседы / В. Ф. Саппак. – Москва, 2007.

References

1. Bakylev G. P. *Novye media: teoria I practica*. Moscow, 2008.
2. Sappak V. F. *Televidenie I my: Chetyre besedy*. Moscow, 2007.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Тариева Лилия Увайсовна, кандидат филологических наук, Ингушский государственный университет, 386102, Республика Ингушетия, г. Магас, ул. Х.-Б. Муталиева, 6, e-mail: Tarieva01@mail.ru.

В статье представлен один из способов возникновения эвиденциальной информации в результате интенциональной функции лица Созерцающего как компонента парадигмы лиц. Запуск механизма лица Созерцающего в ингушском языке результирует сенсорной визуальной эвиденциальностью.

Ключевые слова: лицо Созерцающее, интенциональность, эвиденциальность, эпистемический, перцептивная модальность, лицо Говорящее

TO THE QUESTION OF EVIDENTIALITY IN THE INGUSH LANGUAGE

Tariyeva Lilia U., Candidate of Philological Sciences, Ingush State University, 386102, Republic of Ingushetia, Magas, 6 H.-B. Mutaliyev St., e-mail: Tarieva01@mail.ru.

One of ways of emergence of evidentiality information is presented in article, as a result of intension function of the person the *Beholding*, as component of a paradigm of persons. Start of the mechanism of the person *Beholding* in the Ingush language results a touch visual evidentiality.

Keywords: person *Beholding*, intension, evidentiality, epistemic, perceptual modality, person *Speaking*

История динамического представления эвиденциальности восходит к концу прошлого столетия. На современном этапе исследования категория эвиденциальности приобрела статус понимаемой в широком и узком смысле слова. Категория эвиденциальности в русской грамматической традиции и в исследованиях зарубежных авторов, представленная в [12; 14; 21; 22; 24–27], связана с вопросами получения и передачи смысла.

Исследователи категории эвиденциальности не пришли к единому мнению относительно самостоятельности её функционирования. Обычно эвиденциальность исследуется в её соотношении с категорией времени и эпистемической модальности. Эвиденциальность может быть результатом «модальной семантической зоны» [14] и может быть максимально отдалена от неё. Эвиденциальность, на наш взгляд, может быть результатом перцептивной модальности, выступающей основанием для функции субъекта эпистемического статуса высказывания.

В лингвистике нахских языков, в частности ингушского, остаётся открытым вопрос об эвиденциальности и его соотношении с эпистемической модальностью с точки зрения онтологического измерения.

Эвиденциальность как сложное структурно-семантическое явление конвенционально не охарактеризована и не интерпретирована в ингушском языке с позиции типа знания и источника получаемой и/или передаваемой информации.

Эвиденциальность (*англ. evidentiality*) – категория, наименование которой восходит к имени американского этнолингвиста Франца Боаса [23], принимает в ингушском языке обязательную форму выражения на различных языковых уровнях.

Континуум функционирования категории эвиденциальности в ингушском языке (и других нахских) располагает специализированными средствами выражения: в форме лексических средств, морфологически представленных, в формах глагольных флексий, синтаксическим способом – диатезно, как результат авторизации.

Эвиденциальность, экспонированная в системе аспектно-временных форм ингушского глагола [5, с. 60], представляет грамматическую репрезентацию засвидетельствованности. Между тем эвиденциальность – категория, прежде всего, лексически (глаголы, наречия, прилагательные) и диатезно представленная в ингушском языке. В область грамматики показатели эвиденциальности могли транспонировать (грамматикализироваться) через посредство лексического уровня языка, например, аффиксоидным путём, верифицируя тезис о том, что не существует непроходимой границы между лексикой и грамматикой [2].

Парадигма лиц ингушского языка [15, с. 354–365; 16; 17, с. 84–88] – это та глубинная семантическая область, то специализированное средство языка, которое непосредственно связано с эвиденциальностью, выступающей как независимая категория в данном эргативном языке.

Р. Якобсон обозначил эвиденциальность в качестве той области знания, которая отсылает к источнику сведений [20, с. 101]. Упаковка парадигмы лиц ингушского языка указывает на источник сведений говорящего, то есть на то, что и как (прямо, очевидно или опосредованно, пересказательно, или инферентно) свидетельствует говорящий.

Основной функцией лица Созерцающего, одного из компонентов парадигмы лиц, является интенциональность (направленность) во внесубъективную действительность.

Результирующей функцией интенциональности лица Созерцающего, отвечающего за визуальную информацию, является эвиденциальность, необходимость исследования которой связана с тем, что большую часть информации о предметах и явлениях реального мира человек получает посредством онтологического свойства «видения».

Нам представляется релевантным интерпретировать категорию лица Созерцающего, маркирующего эвиденциальность, в контексте с категорией перцептивности. Согласно концепции А.В. Бондарко, «перцептор», прежде всего, говорящий и слушающий – это то основание, с позиции которого осуществляется восприятие явлений внешнего мира, включая и языковую и речевую интерпретацию наблюдаемости» [7, с. 29]. Обоснование А.В. Бондарко говорящего и слушающего в качестве перцепторов связано с канонической речевой ситуацией в диалогическом режиме интерпретации. К перцепторам, функция которых связана с дискретно воспринимаемыми предметами и явлениями реального мира, относятся, прежде всего, как нам видится, лицо Созерцающее и лицо Слышащее, выделяемые в рефлексивном режиме интерпретации канонической речевой ситуации [17, с. 84–88]. Механизм запуска перцептивного мышления в процессе получения интенционального знания, соотнесен, прежде всего, с лицом Созерцающим в непрерывно продолжающемся дискретном освоении познающим субъектом реального мира.

Континуальность процесса познания включает различного рода свойства, закреплённые в качестве субъективных смыслов (модусов). Область отдельного познавательного акта функционирует на основе свойств: *мег / возможно, потому что дано*,

мог / могу, способен, деза / необходимо, эш / нужно, осознанных как «ценности», представляющие собой способы синтеза восприятия.

Перцептивный опыт, заключающийся в функции лица Созерцающего, результат которого обуславливает базу для функции субъекта с эпистемическим статусом, вскрывает комплексный характер интенциональности как явления перцептивного мышления. Греческое *epistemai* означает «знать, уметь» [10, с. 507].

Интенционально выхваченный функцией лица Созерцающего объект реальной действительности – «лицо Говорящее» – в акте познания собственного со/эго эвиденциально запечатлевается в процессе интендирования в мыслительном пространстве индивида.

Механизм запуска перцептивного свойства видения как функции лица Созерцающего в дистинкции собственного со/эго отражается в однословном высказывании «со/я», совершаемого посредством действия «говорения». В рефлексивном режиме интерпретации элементарной речевой ситуации представляется собственно со/эго, мыслящее себя «в качестве объекта, осознающего собственную субъектную позицию» [13, с. 31].

Произнесение личного местоимения в номинативной форме в акте познания эгоцентричного со/я vs. аз/я результирует лицом Говорящим, соотнесённым с реальным денотатом объективного мира, эвиденциально запечатлённым в речемыслительной деятельности индивида.

Характерологическим свойством со/я индивида является наличие у него двух миров: внешнего, непосредственно наблюдаемого (объективная действительность), и интериоризованного, скрытого от стороннего наблюдения. Интериоризованный («овнутренний») мир – это возможный мир индивида, идентифицируемый с внешним миром. Г.А. Александрова проводит аналогичную мысль о двойной жизни человеческого «я» в наблюдаемой реальности и внутренней скрытой жизни [1, с. 41].

Лицо Говорящее как десигнатор языкового знака возникает на базе мыслительной функции модуса – лица Созерцающего, выхватывающего из реальной действительности такой объект, как «лицо Говорящее», в акте познания собственного со/я в отличие от аз/я. Реальное, объективно существующее «лицо», способное к артикуляции, трансцендентно трансформируется в субъективное явление, запечатлеваясь в континууме перцептивного мышления эвиденциально, т.е. в форме иконического знака: *лица, которое говорит (со/я)*.

Запечатление лица говорящего как картинки-представления есть эвиденциальность, которая как результат функции лица Созерцающего принадлежит сфере субъекта восприятия, или «Хоалу саг», названного нами «Номо sensus» [18], т.е. перцептивной сфере Субъекта восприятия, который в ингушском мыслительном пространстве представляет эпистемического контролера исчислимого контингента функций чувственных компонентов мышления.

Функцию субъекта эвиденциальности, на глубинном уровне исполняемую лицом Созерцающим, на поверхностном языковом уровне представляет аффективная форма имени (*сона (AFF) гу / я вижу*), а функцию субъекта эпистемического статуса высказывания осуществляет Субъект восприятия, или Номо sensus, контролирующей функцию каждого отдельного кванта чувственного восприятия, представленного в различных языках ограниченным списком: *сона (AFF) хов, сона гу / я знаю, что я вижу, сона (AFF) хов, сона хоз / я знаю, что я слышу* и др.). Номо sensus дифференцирован с Кхета саг / Субъектом разумным, т.е. с Номо sapiens, грамматически представленным в ингушском языке (и других нахских языках) функцией иной формы имени в номинативной семантической конфигурации (*со (NOM) кхет / я понимаю*). Номинативные языки, в частности, русский индифферентны подобного рода субъектной дифференциации: Номо sensus vs. Номо sapiens (сравните: *сона (AFF) хов/я знаю* и *со (NOM) кхет/я понимаю*), представляющих различные уровни мышления индивида: перцептивный и рациональный.

Однословное высказывание «Со/Я» вызвано модальной функцией лица Созерцающего как компонента перцептивного мышления, выступающего причиной гене-

рации речевого акта в одно слово-предложение, представляющего говорящего эгоцентрика *со/я* в отличие от локутора в эргативной форме (*аз/я*). Репрезентация лица Говорящего в качестве языкового знака, на поверхностном уровне экспонированного номинативной формой имени, есть следствие его каузации лицом Созерцающим, представляющим перцепт зрительного восприятия и выступающего antecedентом лица Говорящего.

Речевой акт в одно слово-предложение, репрезентирующее основного, ядерного, каузированного функцией лица Созерцающего, эгоцентрика (*со/я*), в отличие от другого ядерного эгоцентрика (*аз/я*), представляет собой последовательно, по правилам организованную, т.е. конвенциональную, функцию лица Созерцающего, как:

1) запуск мыслительной интенциональной функции лица Созерцающего (*сона (AFF) гу/я вижу*), придающего ему статус модального субъекта;

2) иллюкутивность (нацеленность) интенции лица Созерцающего на визуально воспринимаемый объект реальной действительности;

3) трансформацию функции лица Созерцающего в результате интенции из субъекта смысла (модуса) в эвиденциал;

4) эвиденциальность, когда объект реальной действительности трансформируется в субъективную перцептивную область в форме «картинки» трансцендентно.

Результирующая функция лица Созерцающего как модуса заключается в эвиденциальности, выступающей в качестве финали его интенциональности. Эвиденциальность, таким образом, представляет собой картинку-образ: «лицо» и его «говорение», откладывающееся в мышлении как результат функции перцептивного модуса в акте познания собственного *со/эго*, представляющего собой локутора, противопоставленного второму локутору *аз/эго* ингушского языка [19, с. 72] и других нахских языков.

Экспликация лица говорящего посредством речения (*со/я*) переводит его в десигнатор языкового знака при помощи интенциональной функции лица Созерцающего. Лицо Говорящее таким образом детерминируется как консеквент модальной функции лица Созерцающего в акте схватывания собственного *со/эго*: *со – укх- х1анз /я – здесь – сейчас*, которая может быть соотнесена с понятием «перцепта» в [7].

Лицо Говорящее, осознанное в рефлексивном акте восприятия *со/эго*, есть результат системной модальной деятельности лица Созерцающего.

Конвенциональность функции лица Созерцающего как компонента парадигмы лиц ингушского языка результирует эвиденциальностью, когда лицо Говорящее, «помышленное» лицом Созерцающим, откладывается в континууме перцептивного мышления в форме представления (лица, которое говорит). Отсюда лицо Созерцающее валентно лицу Говорящему (артикулирующему) и индифферентно лицу Произносящему.

Информация, получаемая в результате запуска механизма интенциональной функции лица Созерцающего, может быть квалифицирована, согласно терминологии Т. Уиллет [24], а также Н.А. Козинцевой, как «сенсорный визуальный источник знаний» [12], кумулирующихся в области перцептивного мышления;

1) *Сона (AFF) гу, со (NOM) йист хул / Я вижу, что я говорю (т.е. артикулирую единожды)*;

2) *Сона (AFF) гу се (NOM) йисхулилга / Я вижу свою артикуляцию (т.е. один квант артикуляции)*;

3) *Сона (AFF) гу, со (NOM) лув / Я вижу, что я говорю (т.е. обладаю способностью говорить количественно не единожды)*;

4) *Сона (AFF) гу се (NOM) лувлга / Я вижу свою артикуляцию (т.е. способность к говорению)*.

Эвиденциальность в дистинкции собственного *со/эго* – это то знание, которое запечатлевается в перцептивном мышлении индивида, как картинка, или живой образ-представление, и детерминируется как внешняя динамическая характеристика денотата, каузирующая процесс именованья в силу того, что картинка соотносится с реальным объектом реального мира, отражая степень полноты / неполноты знаний о сообщаемом.

Однословное высказывание *со/я*, каузированное модальным субъектом, «хозяйном» перцептивного сенсорного визуального мыслительного процесса – интенциональным лицом Созерцающим, генерирует субъект речи как языковую единицу, представляющую исчислимый объект реальной действительности, сохраняющий дискретную структуру. Индивид в дистинкции собственного *со/я* располагает онтологически обусловленной базой восприятия тривиальных моделей стандартов пространства. Согласно определению, данному в Словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило, дискретный объект, в нашем случае «лицо Говорящее» (*со/я*), можно охарактеризовать как «конкретный объект», имеющий пространственную и временную границы, экспонированный в «конкретной ситуации» [11], т.е. в акте познания собственного *со/эго*.

Именованное лица говорящего как необходимость возникает вследствие модальной функции лица Созерцающего, которая заключается в способности «помыслить» лицо говорящее, эвиденциально запечатлев эго в ячейке перцептивного мышления. Сенсорный эвиденциал, т.е. результат функции лица Созерцающего, засвидетельствовавшего «лицо говорящее» в акте перцептивного мышления, фактически «картировал» [4, с. 5] его. Картирование лица Говорящего есть, на наш взгляд, трансцендентное редуцированное копирование «действительного» лица в возможном ментальном мире, отличном от реального, посредством модальной функции лица Созерцающего ингушского языка.

Картирование лица говорящего, т.е. его живое, динамическое эвиденциальное закрепление в ячейке перцептивного мышления есть основание для номинации лица в ипостаси *со/эго* vs. *аз/эго*.

Из двух лиц парадигмы (Созерцающего и Говорящего) первой актуализирована функция лица Созерцающего как модуса, валентного лицу Говорящему и имеющего непосредственное отношение к однословному высказыванию: «Со/Я», представляющему локутора в номинативной форме имени.

Лицо Созерцающее, транзитивно выхватывая в дистинкции собственного *со/эго* объект реального мира «лицо Говорящее», генерирует потребность в именовании, т.е. каузирует возникновение необходимости номинации, в силу наличия эвиденциальной информации по поводу лица Говорящего в возможном мире перцептивного мышления.

Акт познания собственного *со/эго* сопровождается оценкой *мег/возможно*, *мог/могу*, *эш/необходимо* как один из субъективных смыслов, отмечающих пропозициональное содержание. Субъект восприятия, или «Хоалу саг», обеспечивает основание для запуска механизма именованности, создания высказывания при посредстве модусов, т.е. субъективных смыслов. С точки зрения категории оценки модус поразному сопровождает генерацию высказывания, в силу разницы спектра представляемых индивидом субъективных смыслов, формирующих систему ценностей в семантике языка [3; 9].

В ментальном «мире» Субъекта восприятия (Номо *sensus*) формируется базирующийся на исчислимом списке сенсорных возможностей спектр модусов, одной из модальных функций которого является функция лица Созерцающего. При генерации высказывания актуализируется один из субъективных смыслов по потребности. Генерация высказывания: *со/я*, репрезентирующая лицо Говорящее, обусловлена субъективной модальностью лица Созерцающего (*сона (AFF) гу/я вижсу*). Функция лица Созерцающего, таким образом, выступает ведущей модальностью чувственного опыта зрячих, познавая действительность визуально и трансцендентно дискретно трансформируя её в область перцептивного мышления в форме эвиденциальной информации, формирующей один из возможных миров. В основе такого возможного мира лежит функция антропоцентрического эгоцентрика – хозяина сенсорной визуальной эвиденциальности, на поверхностном уровне представленного аффективной формой имени в рамочной части высказывания:

Сона (AFF) гу, со йист хул / Я вижсу, что я артикулирую (т.е. обладаю способностью говорить безотносительно к акустике).

Согласно концепции У. Бенвениста, «субъективность», обуславливается грамматическим статусом «лица», представляя «субъект в языке», автор обращается к местоименной структуре, указывая на её эгоцентричность и диалогичность в языковой деятельности [6]. Эгоцентрик *со/я* – это центральный субъективный компонент в акте коммуникации, но не единственный в данном эргативном языке.

Эгоцентричное *со/я* представляет одного из ядерных локуторов, выделяемых в ингушском языке (также в других нахских языках) как базового в генерации личных и других дейктических языковых отношений.

Без функции модального эгоцентрика лица Созерцающего как субъекта смысла невозможен запуск функции центрального эгоцентричного элемента – лица Говорящего как субъекта речи. Лицо Созерцающее как субъект модальной рамки (*сона (AFF) гу / я вижу*) в высказывании *Сона (AFF) гу, со лув/Я вижу, что я говорю* имеет прямое отношение ко второй пропозитивной части высказывания, представляющей субъекта речи (*со (NOM) лув / я говорю*) тем, что оно эвиденциально «помыслило» лицо Говорящее, выхватив дискретно в качестве объекта из реальной действительности, а затем трансформировало его экспериментально в область перцептивного мышления, где он и закрепился в форме сенсорной визуальной эвиденциальности.

Список литературы

1. Александрова Л. Г. One's self и oneself как способы репрезентации концепта Я в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук / Л. Г. Александрова. – Иркутск, 2001. – 24 с.
2. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная картина мира / Ю. Д. Апресян // СиИ. – 1986. – № 28. – С. 5–33.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – 86 с.
5. Барахоева Н. М. Грамматические формы и категории глагола. На материале нахских языков / Н. М. Барахоева. – Нальчик : ООО «Тетраграф», 2011. – 124 с.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва : Прогресс, 1974. – С. 167–183.
7. Бондарко А. В. Модальность: вступительные замечания / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. – Ленинград : Наука, 1990. – С. 5–58.
8. Бондарко А. В. Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов в общей системе категоризации семантики / А. В. Бондарко // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. – Калининград, 2006. – 334 с.
9. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – Москва : Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
10. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь PDF / А. Д. Вейсман. – Санкт-Петербург : «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина. Дата создания: 1878–1899, опубл.: 1899 г. Источник: 5-е изд. 1899, репринт 1991 г. – 685 с.
11. Жеребило Т. В. Термины и понятия общей морфологии : словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2001. – 245 с.
12. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) / Н. А. Козинцева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.
13. Липпс Г. Самосознание, ощущение и чувство / Г. Липпс. – Санкт-Петербург, 1910.
14. Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику / В. А. Плунгян. – Москва, 2009.
15. Тариева Л. У. Парадигма лиц в ингушском языке / Л. У. Тариева // Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве : мат-лы III Междунар. науч. конф. – Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2013. – 463 с.

16. Тариева Л. У. Языковые условия подключения лица Слушающего / Л. У. Тариева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 12. – С. 158–166.
17. Тариева Л. У. Рефлексивный режим интерпретации канонической речевой ситуации / Л. У. Тариева // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – № 4. – С. 84–89.
18. Тариева Л. У. Междометия в ингушском языке (онтологическое и референциальное измерения) / Л. У. Тариева – Назрань : Кеп, 2013. – 74 с.
19. Тариева Л. У. Наречие в ингушском языке / Л. У. Тариева – Назрань : Кеп, 2013. – 262 с.
20. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – Москва : Наука, 1972. – С. 95–113.
21. Aikhenvald A. Y., Dixon R.M.W. (Eds.) Studies in evidentiality. – Amsterdam, 2003.
22. Aikhenvald A. Y. Evidentiality: Problems and challenges / A. Y. Aikhenvald // Linguistics Today – Facing a Greater Challenge / ed. by Piet van Sterkenburg. – Amsterdam – Philadelphia, 2004.
23. Boas F. Introduction to Handbook of American Indian languages // Boas & Powell, 1991. – P. 1–79.
24. Willett Th. A Cross – Linguistic Survey of the Grammaticization of evidentiality / Th. Willett // Studies in Language. – Amsterdam, 1988. – Vol. 12. – № 1. – P. 51–97.
25. Chafe W. L., Nichols J. (eds.) Evidentiality: The linguistic Coding of Epistemology. – Norwood, NJ: Ablex, 1986.
26. Comrie B. Evidentials: semantics and history / B. Comrie // Evidentials. Turkic, Iranian and Neighbouring Languages. – Berlin, 2000.
27. Jakobson R. Shifters, verbal categories, and the Russian verb. Russian Language Project, Dep. of Slavic Languages and Literatures. – Harvard University, 1957.

References

1. Aleksandrova L. G. One's self i oneself kak sposoby reprezentacii koncepta Ya v sovremennom angliyskom yazyke. Irkutsk, 2001. 24p.
2. Apresyan U. D. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya kartina mira // SiL, 1986, № 28, pp. 5–33.
3. Arutunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. Moscow, Yazyki russkoy kultury, 1999, 896 p.
4. Babushkin A. P. «Vozmozhnye miry» v semanticheskom prostranstve yazyka. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2001, 86 p.
5. Barahoeva N. M. Grammaticheskie formy i kategorii glagola. Na materiale nahskih yazykov. Nalchik, Tetragraf, 2011, 124 p.
6. Benvenist E. Obschaya lingvistika. Moscow, Progress, 1974, pp. 167–183.
7. Bondarko A. V. Modalnost: vstupitelnye zamechaniya // Teoriya funkcionalnoy grammatiki: Temporalnost. Modalnost. Leningrad, Nauka, 1990, pp. 5–58.
8. Bondarko A. V. EksPLICITNOST/implicitnost vyrazheniya smyslov v obschey sisteme kategorizacii semantiki // Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: eksPLICITNOST / implicitnost vyrazheniya smyslov. Kaliningrad, 2006, 334 p.
9. Volf E. M. Funkcionalnaya semantika ocenki. 2nd ed. Moscow, Editorial URSS, 2002, 280 p.
10. Veysman A. D. Grechesko-russkiy slovar PDF. St. Petersburg, "Greko-latinskiy kabinet" U. A. Shichalina. Data sozdaniya: 1878–1899, opubl.: 1899 g. Istochnik: 5-e ed. 1899, reprint 1991 g. 685 p.
11. Zherebilo T. V. Terminy i ponyatiya obschey morfologii. Nazran, Piligrim, 2001, 245 p.
12. Kozinceva N. A. Kategoriya evidencialnosti (problemy tipologicheskogo analiza) // Voprosy yazykoznanija. 1994. № 3. pp. 92–104.

13. Lipps G. Samosoznanie, oschuschenie i chuvstvo. SPb., 1910.
14. Plungyan V. A. Obschaya morfologiya: vvedenie v problematiku. Moscow, 2009.
15. Tarieva L. U. Paradigma lic v ingushskom yazyke // Yazyk, kultura, etiket v sovremennom polietnicheskom prostranstve. Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2013. – 463 s.
16. Tarieva L. U. Yazykovye usloviya podklucheniya lica Slushaushego // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 12. – pp. 158–166.
17. Tarieva L. U. Refleksivnyy rezhim interpretacii kanonicheskoy rechevoy situacii // Vestnik rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2013. № 4. pp. 84–89.
18. Tarieva L. U. Mezhdometiya v ingushskom yazyke (ontologicheskoe i referencialnoe izmereniya). Nazran, Kep, 2013. 74 p.
19. Tarieva L. U. Narechie v ingushskom yazyke. Nazran, Kep, 2013. 262 p.
20. Jakobson R. O. Shiftery, glagolnye kategorii i russkiy glagol // Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya. Moscow, Nauka, 1972. pp. 95–113.
21. Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. (Eds.) Studies in evidentiality. Amsterdam, 2003.
22. Aikhenvald A.Y. Evidentiality: Problems and challenges // Linguistics Today – Facing a Greater Challenge. Ed. by Piet van Sterkenburg. Amsterdam, Philadelphia, 2004.
23. Boas F. Introduction to Handbook of American Indian languages // Boas & Powell, 1991. pp. 1–79.
24. Willett Th. A Cross –Linguistic Survey of the Grammaticization of evidentiality // Studies in Language. Amsterdam, 1988. Vol. 12. № 1. pp. 51–97.
25. Chafe W.L., Nichols J. (eds.) Evidentiality: The linguistic Coding of Epistemology. Norwood, NJ: Ablex, 1986.
26. Comrie B. Evidentials: semantics and history // Evidentials. Turkic, Iranian and Neighbouring Languages. Berlin, 2000.
27. Jakobson R. Shifters, verbal categories, and the Russian verb. Russian Language Project, Dep. of Slavic Languages and Literatures. Harvard University, 1957.

МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ СФОРМИРОВАННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

Тюленева Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: tatjana414013@mail.ru.

В статье обозначены пять уровней сформированности лингвистической креативности обучающихся, критерии для определения уровня данного качества, указаны имеющиеся в науке методики (тесты) для его (уровня) выявления, кратко описан опыт автора по применению данных методик в отношении студентов неязыковых специальностей, представлены результаты. Методики были использованы до и после осуществления формирующего эксперимента в процессе обучения студентов иностранному (немецкому) языку.

Ключевые слова: лингвистическая креативность студентов, иностранный язык, уровни сформированности лингвистической креативности, критерии измерения, методики (тесты), беглость, гибкость, оригинальность, индекс оригинальности

METHODOLOGIES OF DIAGNOSTICS OF FORMATION OF INGUISTIC CREATIVITY OF STUDENTS

Tyuleneva Tatyana V., Candidate of Pedagogical Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishev St., e-mail: tatjana414013@mail.ru.

In the article five levels of students' formation of linguistic creativity, the criteria for definition the level of this quality are defined, methodologies (tests) for its (this level's) revelation used in science are indicated, the author's experience of applying these method-